

53/

88-7

1745

НА БОЕВОМ ПОСТУ

СБОРНИК

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ Д. Б. РЯЗАНОВА

(1870 — 1930)

П Р И У Ч А С Т И И

Г. БАКАЛОВА, А. БАХА, Г. ВАММЕЛЯ, Н. БОБРОВНИКОВА, Н. БУХАРИНА, П. ВИНОГРАДСКОЙ, А. ВОДЕНА, В. ВОЛГИНА, М. ВОЛЬФСОНА, А. ДЕВОРИНА, Н. ДИТЯКИНА, В. ЕЩИНА, А. ИОАННИСЯНА, Е. КАГАНОВИЧА, Ф. КОНА, М. КОСВЕНА, Н. ЛУКИНА, А. ЛОЗОВСКОГО, А. ЛУНАЧАРСКОГО, И. ЛУПНОЛА, В. МАКСИМОВСКОГО, Н. МАРРА, В. МИЛЮТИНА, Н. ПЛОТНИКОВА, М. ПОКРОВСКОГО, Ф. ПОТЕМКИНА, А. РЕУЭЛЯ, О. РУМЕРА, Ю. СТЕКЛОВА, А. УДАЛЬЦОВА, Ц. ФРИДЛАНДА, КЛАРЫ ЦЕТЕКИН, Э. ПОВЕЛЯ, Ф. ШИЛЛЕРА, К. ШМЮКЛЕ и Л. ЯКОВЛЕВОЙ

ПРИГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ Е. СМИРНОВ

Г.П.Б-ка обл. экз.
Лнгр. 1930 г.
Акт № 2-656

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. В. РЯЗАНОВ КАК РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ

О Д. В. Рязанове, как о лучшем знатоке Маркса (тогда еще не говорили «марксовед»), я узнал 28—29 лет тому назад в Олекминской ссылке (в Якутской области). Мне тогда было 21—22 года и я уже перечитал—во время продолжительных тюремных сидений и в перерывах между этими сидениями—почти всю марксистскую литературу, имевшуюся тогда на русском языке, и кое что на немецком.

В Московской Бутырке, в этапных тюрьмах, в Александровском центре и, наконец, в Олекминске приходилось встречаться со многими молодыми ребятами, прошедшими, несмотря на свою молодость, значительный революционный стаж и не меньше моего прочитавшими. Все же мы, однако, чувствовали, что больше увлекаемся Марксом, чем знаем его, и что наших марксистских знаний совершенно недостаточно для роли руководителей рабочего движения (а какой же молодой человек не чувствовал себя в это время руководителем хотя бы в городском или губернском масштабе?).

В Якутской ссылке мы чувствовали этот недостаток марксистских знаний с особенной остротой. Как социал-демократам-марксистам нам приходилось в это время отбиваться не только от народников (уже появились эсеры из «союза социалистов-революционеров», в ссылке оставались старики из бывших народовольцев и «молодых народовольцев» и т. д.), но и от последователей Махайского (помнится, тогда еще не говорили «махаевцы»). По рукам ходили вызывавшие страстные споры затрепаные экземпляры гектографированной брошюры Махайского «Умственный рабочий» и какие-то другие гектографированные издания, в которых марксизм подвергался заушению и извращению. Вызывала споры и каждая книжка «Русского богатства» со статьями Михайловского и молодых только что выходивших на литературно-политическую сцену народников вроде Гарденина (Чер-

нова). Нам, марксистам, приходилось круто, ибо хотя нас становилось уже много, но мы были молоды, недостаточно теоретически подготовлены и имели против себя старых ссыльных, образованных, начитанных, знавших языки, авторитетных в глазах не только «колонии», но и местной интеллигенции, тяготевшей к политической ссылке. Мы поэтому вздыхали по высокообразованным марксистам, и мне неоднократно приходилось слышать, что есть в революционном мире молодой Рязанов (ему тогда было лет 30 с чем-то), который по своим марксистским знаниям пожалуй что не уступает «самому Плеханову».

О Ленине как о великом марксоведе еще тогда не говорили в ссылке, потому что не все знали, что Ленин и Ильин—это одно и то же лицо, почти никто не читал его замечательной гектографированной книги «Что такое друзья народа», и многие,—даже после выхода марксистско-теоретической брошюры «Что делать?», которая по каким-то путям дошла до Олекминской ссылки,—ценили Ленина как великого политика, но не доценивали как теоретика и марксоведа.

Рязановская легенда великого марксоведа всплыла для меня опять в 1905 г. После ссылки я очутился почти накануне октябрьской забастовки (в сентябре 1905 г.) в Питере. Свое время я делил между беганьем по митингам, устраивавшимся в университетских аудиториях и на заводах, и работой в издательстве «Просвещение», где я вместе с И. Л. Давидсоном («ученым евреем при Искре», как его называли бундовцы, подписывавшимся в «Искре» псевдонимом «К. К.») работал над редактированием и выпуском марксистских книг, выходивших в серии «Библиотека Просвещения». В это время выпускалась значительная (по тогдашнему времени) масса марксистских изданий в Одессе (изд. Е. М. Алексеевой), начал работать «Молот», несколько позднее—ряд других издательств, выпускавших не мало марксистской и так называемой марксистской литературы. В нашей редакционно-издательской среде не мало разговоров было о разных промахах этих издательств. Мы приписывали это недостаточному знанию иностранной марксистской литературы у переводчиков и редакторов. «Вот кто знает марксистскую литературу,—говорили все, кто хоть сколько-нибудь знал Давида Борисовича,—так это Рязанов!» В особенности много, захлебываясь от восторга, рассказывал о библиографических познаниях Рязанова И. Л. Давидсон. Он говорил, что Рязанов знает все издания и все переводы любой марксистской

книги, что он помнит даже, как ученый еврей талмуд, что на каждой странице написано, что он знает историю любого произведения Маркса, Энгельса, Каутского, Лафарга, Бебеля и др. марксистов.

Мне тогда было 25 лет и для меня было простительно увлекаться не только марксизмом, но и знаменитыми марксистами. Я уже встречал на работе таких знаменитых людей в партии, как Ленин и Мартов, и как мне было не мечтать о встрече с знаменитым знатоком Маркса? Увы, до 1921 г. — до моего приезда на работу в ГИЗ с Украины, где я провел бурные годы гражданской войны, мне, старому редакционно-издательскому работнику, так и не довелось познакомиться и сблизиться на редакционной работе с человеком, который, как я это теперь знаю, является воплощением идеальной редакционно-издательской работы. Я видал его и слышал его громовые речи в бурные дни 1917 г., но ни мне, ни, вероятно, ему не было дела в это время до редакционно-издательских начинаний, и наши пути так и не сходились. А между тем в это время он уже был известен, как давнишний и общепризнанный редактор и сотрудник крупнейших зарубежных марксистских изданий и начинаний. После 1905 г. марксистские издания стали довольно часто проникать в Россию из-за границы. Те, кто продолжал заниматься марксизмом, не могли не знать о работах Рязанова, об его открытиях и изысканиях в области марксологии, о том, что он открыл огромную массу статей и писем Маркса и Энгельса, что он собирает материалы для истории I Интернационала, что он сотрудничает с Бебелем и Мерингом и т. д. В первые годы революции Рязанов не мог, повидимому, приложить свои силы к издательскому делу, — по крайней мере в годы военного коммунизма, насколько мне известно, им не было выпущено ни одного крупного марксистского издания, несмотря на имевшееся постановление (не помню точно чье) о выпуске под его редакцией сочинений Плеханова и др.

Когда я приехал весной 1921 г., я увидел Рязанова на трибуне (сцена театра Зимина) и услышал его громовые речи, в которых от него доставалось «всем, всем, всем». Одним словом, Давид Борисович был целиком во власти второй своей стихии — стихии политической трибуны, ибо у этого человека две стихии, которым он отдается с одинаковой всепоглощающей страстью: политическая трибуна и ученый кабинет.

А дело издания Маркса, Энгельса, Плеханова и других марксистских авторов ждало своего мастера. Издательства «Коммунист» и — позже — Госиздат к этому времени выпустили до плачевности мало монументальной социально-экономической литературы — несколько томов Ленина, один или два тома «Социалистической истории» Жореса, Степановский перевод книги Кунова «Борьба классов в Великой французской революции» и — все. В начале 1922 г. вышел том исторических работ Маркса и Энгельса под редакцией И. И. Степанова-Скворцова. Несколько позже вышел первый том «Капитала» в старом переводе Степанова и Базарова, просмотренном Степановым. Это издание стереотипно повторяется до последнего времени. А в железном нестерраемом шкафу, в одной из немногих комнат особняка Рябушинского на М. Никитской — тогдашнего помещения Гиза, — хранились «Рязановские рукописи». Тут, помнится, были материалы для издания сочинений Маркса и Энгельса, рукописи нескольких томов Плеханова и т. д. Ключ от шкафа был, кажется, у самого Давида Борисовича и был передан главному редактору Госиздата Н. Л. Мещерякову только тогда, когда Давид Борисович уезжал за границу. Выли, кажется, у Д. В. рукописи и в других местах.

В Госиздате Рязанов в это время бывал мало, хотя, помнится, уже тогда у него состоялось соглашение с Редсектором Гиза (с Калашниковым и Мещеряковым) об издании серьезной марксистской литературы под его редакцией.

Каюсь, я в это время негодовал на Д. В. Он мне казался скупым рыцарем, накопившим огромные сокровища и скрывающим их от людских взоров в своих подвалах — нестерраемых шкафах. Я себя считал старым издателем-марксистом и пылал желанием выбросить на рынок, протолкать в гущу широкой массы возможно больше марксистской литературы. Я еще тогда не представлял себе, какую огромную, какую ценную работу продельвал Д. В. над своими манускриптами, я не дооценивал огромного значения подготовительной работы — по изданиям, которые впоследствии обрели мировую славу. Я все же думаю и теперь, что мы с Н. Л. Мещеряковым были правы, когда мы ломали себе голову над вопросом, как бы пока, — пока Рязанов подготовит свои издания, — дать жаждавшему марксистского просвещения читателю марксистские издания, хоть и качеством похуже будущих рязановских, но количеством побольше. Я предложил Н. Л. Мещерякову заняться выпуском старых

марксистских изданий 1905—1906 гг., ограничиваясь тщательным просмотром старых переводов (за исключением нескольких оригинальных русских работ, вся эта литература состояла из переводных изданий — из переводов преимущественно немецких авторов). Н. Л. Мещеряков и О. Ю. Шмидт (тогдашний заведующий Гизом) и Г. А. Калашников (тогдашний заведующий редактором) одобрили эту идею и поручили мне составить список таких изданий. По мысли Н. Л. Мещерякова была создана так называемая марксистская комиссия («Маркском»), в которую вошли Д. Б. Рязанов, И. И. Степанов-Скворцов, Мещеряков и я. Марксистская комиссия и должна была просматривать и корректировать мои издательские планы. Помнится, когда я И. И. Скворцову-Степанову, часто бывавшему тогда в Гизе, излагал свои издательские планы, он мне сказал: «А все-таки без Рязанова дело не пойдет. Вот вы предлагаете издать бесспорно хорошие книги, но просмотрит ваш план Рязанов и сделает десятки ценных предложений, укажет сотни прекрасных комбинаций». И, действительно, на одном из заседаний марксистской комиссии Д. Б. поразил всех нас, — уже, кажется, достаточно хорошо знавших, и наслышанных об его эрудиции, — своей изумительной осведомленностью не только в редакционной, но и издательской стороне дела. Он бегло просмотрел список и дал точный отзыв о каждом отдельном издании — о качестве перевода (он помнил, в чьем переводе вышло каждое издание), о предпочтительности издания того или иного издательства, о необходимости пополнения перевода там, где были цензурные купюры и т. д. В общем он отзывался пренебрежительно о старых изданиях и нарисовал нам увлекательную картину затеваемых и редактируемых им изданий. Помнится, он говорил об издании сочинений Маркса и Энгельса, Плеханова, Каутского и Лафарга. Тем не менее, он неожиданно для меня признал целесообразным выпустить кое-что из представленного мною списка старых изданий и тут же карандашом отметил птичками все то, что, по его мнению, можно выпустить в ближайшее время. Как-то он забежал в Госиздат еще раз перед своим отъездом за границу; он чрезвычайно торопился, но все же почти на-ходу продиктовал мне еще несколько названий. Таким путем Госиздат мог приступить к выпуску первых во времена нэпа марксистских изданий в старых переводах.

Д. Б. Рязанов уже был за границей, а Иван Иванович мало вмешивался в самый ход работ по этим изданиям. Действовали

только я и Н. Л. Мещеряков. Мне очень хотелось выпустить кое-что новое, и тут как-то чорт меня попутал, а я попутал Николая Леонидовича, и мы извлекли из несгораемого шкафа Рязанова рукопись XII тома сочинений Плеханова, которая, как мы знали, уже была подготовлена к печати, и пустили ее в набор. Раскопали мы в типографии уже почти законченный набор книги Бебеля — «Женщина и социализм» в плохоньком переводе под редакцией Поссе. И хотя эта книга не была отмечена спасительными птичками Д. Б. в моем списке, мы тем не менее решили дополнить и проработать это издание по новейшему немецкому изданию и выпустить его еще до приезда Д. Б. Совершил я еще одно преступление при молчаливом согласии Николая Леонидовича: мне очень хотелось выпустить «Анти-Дюринг» Энгельса, и, хотя эта работа тоже не была отмечена Рязановской птичкой, я дал старое издание, вышедшее в серии «Библиотеки Просвещения» в 1906 г. (я принимал участие в его редактировании), на просмотр Б. Г. Столпнеру и форсированным маршем выпустил тираж, кажется, в десятки тысяч. Кроме того, я успел выпустить целый ряд и других изданий, разрешенных Д. Б.

В конце 1922 г. или в начале 1923 г. Д. Б. вернулся из-за границы. Он, к нашему удивлению, погромил нас довольно мягко за наше своеволие. Выпуск книг Бебеля «Женщина и социализм» и Энгельса «Анти-Дюринг», он хотя и не апробировал, но и не очень сурово осудил, а XII том Плеханова он в «наказание» задержал в типографии. Впрочем, он вскоре «отшел» и подписал листы к печати и выпустил этот том. С этого времени он уже неустанно и без особенно больших перерывов (на заграничные поездки) работает над редактированием Сочинений Маркса и Энгельса и других изданий Института Маркса и Энгельса. Я сказал — над редактированием, — но на самом же деле Д. Б. можно считать не только редактором, но и издателем в том смысле, в каком это понимают немцы (Herausgeber); он не только с величайшей тщательностью прорабатывает всякую рукопись, которую он пускает в набор, но он также составляет издательские планы, следит за всеми стадиями производства книг, интересуется видом и оформлением книги¹, не-

¹ Этот свой интерес к оформлению издания Д. Б. часто проявляет крайне бурно: технические дефекты книги — в особенности книги Сочинений Маркса и Энгельса — приводят его, пожалуй, в не меньшее негодование, чем редакционные ошибки. Помнится, как в день

вероятно чувствителен к вопросу о цене издания, великолепно знает корректуру, технические процессы книжного производства. Он не просто «идеологический редактор», а подлинный знаток, любитель и творец книги во всех ее стадиях и деталях, начиная с момента зарождения идеи книги в голове и кончая ее выходом в форме фабричного книжного изделия.

Я считаю для себя величайшей удачей моей жизни то, что мне в течение нескольких лет приходится работать с Д. Б. в качестве издательского исполнителя его редакционно-издательских предначертаний. Мне, старому редакционному работнику, приятно (может быть чисто-профессионально приятно) рассказывать о качествах Д. Б., как редактора, которому я не знаю равного.

Мы думали, что то издание литературного наследия Маркса и Энгельса на немецком языке, которое было выпущено в 1898 г. по поручению германской социал-демократии Мерингом, является совершенным изданием, работой, которая исчерпала все, что можно было дать в этом направлении. Но вот Д. Б. съездил за границу и ценой грандиозных усилий раздобыл это литературное наследство в оригиналах и фото-снимках; ознакомился сам со всеми этими документами, можно сказать, прощупал их каждый собственными пальцами и сам убедился и нас всех убедил в том, что германское издание далеко не дает того, что мы от него ожидали. Больше того, он показал, что в переписке Маркса и Энгельса имеется огромное количество искажений и изъятий, которые были сделаны оппортунистическими душеприказчиками — Бернштейном и др. при молчаливом согласии таких марксоведов, как Каутский. Рязанов показал, как надо

великого для нас праздника — в день выхода I тома старого издания Сочинений Маркса и Энгельса — прибежал ко мне в социально-экономический отдел Николай Леонидович Мещеряков, бледный и взволнованный. «Подите ко мне и посмотрите, как этот ненавистник курения «разносит меня». Я захожу в кабинет главного редактора и застаю там такую сцену: Д. Б. потрясает нашим именинником — первым томом — в воздухе, стучит кулаком по мраморному столику и кричит: «посмотрите только на этот веер, тут бумага всех цветов радуги». Действительно бумага, на которой печатался этот том, была разногонная. Вскоре он, однако, «отошел» (он всегда очень легко переходит от мажорных нот негодования к мягким тонам веселого добродушия). «Ну, будет, вот, только об одном я прошу, — чтобы вы в будущем дали пролетарскому мыслителю бумагу пусть похуже бумаги для монографии великого (тут он назвал фамилию некоего советского литературоведа), но хотя бы однородную».

работать над материалом и в особенности над таким дорогим каждому марксисту материалом, как Сочинения Маркса и Энгельса. В нашей среде раньше шли слухи и разговоры о крайней педантичности и «буквоедстве» Рязанова; с некоторой укоризной (а у некоторых с великой озлобленностью) говорилось о том, что Рязанов готов сам погибнуть и погубить любого своего сотрудника за каждую букву, за каждую запятую, которая ставилась Марксом и Энгельсом, и даже за тот шрифт, которым набиралось то или иное издание Энгельса (Д. Б. действительно всегда отзывался с величайшей похвалой об издательских талантах Энгельса). Но за эти годы я мог убедиться, что это рязановское буквоедство имеет огромное не только научное, но и политическое значение. В самом деле ему удалось восстановить в Сочинениях Маркса и Энгельса ряд таких мест, которые были раньше пропущены оппортунистическим издателем — германской социал-демократией, но которые играли огромную роль с точки зрения теории марксизма. Может быть, этим объясняется тот энтузиазм, которым вдохновлен сам Д. Б. и которым он умеет вдохновлять всех своих сотрудников.

Мне часто приходилось бывать у него по вопросу о том или другом издании, и каждый раз я буквально целыми часами — которых я не замечал — заслушивался его вдохновенными рассказами о различных изданиях и различных работах Маркса и Энгельса.

Суммируя все впечатления о его редакционной работе, я могу установить три важнейших момента в этой работе:

1. Он не только знает, но и непрерывно изучает тот материал, над которым он работает, который он редактирует; больше всего и раньше всего это относится к Сочинениям Маркса и Энгельса, но он также, конечно, великолепно знает и другие редактируемые им работы. Он, например, великолепно знает Плеханова и всю литературу о Плеханове и все те манускрипты, какие только могли попасть в его руки. Он также хорошо знает и материалистов и марксистских классиков, каких только касалась его редакторская рука.

2. Он, как я уже говорил, во все время издательского процесса работает над редактируемым им материалом. Мне редко приходилось встречать такого редактора, который так вчитывался бы в рукописи и в корректуры, который просматривал и прорабатывал бы сам весь научно-библиографический аппарат, как это делает над каждой работой, над каждой страницей

и каждой строкой Д. Б. Это помогает ему улавливать и устранять такие погрешности, которые остаются незамеченными не только для читателя, но и для многих хороших редакторов.

3. Д. Б. не ограничивался и не ограничивается изучением только того материала, который он редактирует, — изучением только марксистских работ. Он также изучает и создает благоприятные условия для изучения всех тех источников, откуда могла быть почерпнута марксистская мысль, и всех тех исторических условий, от которых зависело развитие марксизма, как орудия действия пролетариата. Вот что об этом говорит в своем сообщении на юбилейной сессии ЦИК СССР в 1927 г. сам Д. Б.:

«... нельзя изучать марксизм, нельзя изучать и учение Маркса, Энгельса и Ленина, не обращаясь все время к изучению двух основных источников этого учения. Первым источником является история революционного рабочего движения всех стран. Вторым источником является история научной мысли, история идеологии, которую Маркс и Энгельс усвоили себе, но не для того, чтобы ее хранить про себя. Они перерабатывали ее, чтобы выковать из нее оружие для борьбы пролетариата. По этим двум линиям мы ведем работу».

Д. Б. эту огромную работу выполнял и выполняет, конечно, не один. Он выполняет ее вместе со многими чрезвычайно компетентными в разных областях знаний сотрудниками. Но именно и здесь к его редакторским талантам надо отнести талант отыскивать и привлекать к редакционной работе работников, и не только привлекать их, но и руководить ими, пробуждать в них интерес к тем или другим темам.

Д. Б. выступал в своей редакционной работе всегда новатором; ему приходилось почти все начинать заново. Взять хотя бы Сочинения Маркса и Энгельса, главный объект его редакционной деятельности. Казалось бы, тут ему достаточно было оставаться точным и добросовестным копировщиком того, что уже было создано прежней редакционно-издательской работой Меринга, Каутского, Бернштейна и др. Однако это далеко не так. Как я уже говорил, Д. Б. приходилось не только работать над определенными манускриптами, не только тщательно просматривать библиографические и всякие иные приложения, но и добывать из недр забытых архивов новые, никем не опубликованные и даже скрывающиеся работы Маркса и Энгельса. Д. Б. таким образом выступал не только в роли архитектора, который создает форму уже из готовых материалов, — и в роли каменщика,

который должен был делать кирпичи для сооружаемого здания Сочинений Маркса и Энгельса. Он это делал не как «архивный работник», не как «книжный червь», а как марксовед, который знал, чувствовал, ощущал, каких работ, каких элементов не хватает в той системе марксизма, которая перешла к нам в форме уже изданных работ великих учителей. Он знал, должны быть такие элементы, такие рукописи — и он их искал, эти рукописи, вооруженный прекрасным компасом — марксоведением, одним из самых крупных творцов которого мы вправе считать Д. Б.

В своем стремлении дать возможно полное, возможно точное издание Рязанов не останавливался ни перед какими усилиями, ни перед какими задержками и ни перед какими затратами. Впрочем, каждый, кто знает Рязанова в роли покупателя за границей книжных раритетов, ценнейших документов и вообще всяких ценных для редакционно-издательского дела материалов, изумляется его практичности и его умению часто за бесценок приобретать для пролетарского государства вещи колоссальной ценности.

Все помнят четыре тома старого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Эти томы вышли, если память мне не изменяет, на протяжении двух лет; они вызвали значительную по тогдашнему времени подписку (7—8 тысяч подписчиков). Но вернувшись из-за границы с богатым материалом и литературным наследством в руках, Рязанов приостанавливает это издание, начинает работать над ним заново и начинает готовить совершенно новое, построенное по другому плану, издание. Признаться, мы, работники Госиздата как редакционные, так и торговые, были этим крайне афрелированы. «Когда же наконец, — говорили мы робко (с Д. Б. иначе, как робко, разговаривать страшновато), — думаете не то, чтобы закончить, но — хотя бы продолжить это издание?» Подписчики нас штурмовали требованиями, запросами, упреками; в разных органах прессы писалось о том, что Сочинения Маркса и Энгельса, может быть, выйдут на Марсе или какой-нибудь другой планете, но что нет никакой надежды, что они когда-нибудь выйдут на грешной земле. Но Д. Б. оставался непреклонным, он не волновался, как это позволяли себе говорить паникеры и малoverы; он не бросал работы над привезенными рукописями ни на одну минуту, но не соглашался дать в набор ни одной строки до того момента, пока у него не создалась уверенность, что он дает действи-

тельно точное, действительно полное и действительно отвечающее духу марксизма издание. И я теперь могу с уверенностью констатировать, что он был прав, что наши ожидания, нетерпеливые ожидания вознаграждены уже выпедшими шестью томами, не имеющими достойного прецедента в редакционно-издательской истории марксистской литературы на Западе, и 6—7 томами, находящимися сейчас в работе. Я надеюсь, что в этом году, юбилейном году Д. Б., мы выпустим еще 8—10 томов, и мы будем таким образом иметь 16 томов, почти что $\frac{2}{3}$ всего издания. Вознаграждены, стало быть, сторицей и нетерпеливые ожидания подписчиков; они получили лучшее издание, чем то, которое они имели бы раньше, лучшее как по оформлению, так и по содержанию. И может быть это и составляет одну из причин быстрого роста подписки: за какой-нибудь год — полтора подписка выросла с 8—10 тысяч до 30 тысяч.

Иной раз бывали у нас трения с Д. Б. не только на почве задержки собрания сочинений Маркса и Энгельса, но и на почве крайне медлительного выпуска книг по серии «Библиотеки марксиста». Первой работой, которая была выпущена Институтом Маркса и Энгельса и Госиздатом, был первый номер серии «Библиотеки научного социализма», вошедший потом в серию «Библиотеки марксиста» — «Коммунистический манифест». Я думаю, что мне незачем тут распространяться о никем не оспариваемых достоинствах этого издания, но мне бы все-таки хотелось тут отметить, что это издание было не только по литературному своему содержанию, но и по оформлению, одним из лучших изданий того времени. А ведь в 1922 году у нас было чрезвычайно трудное положение на бумажном и полиграфическом фронте. Понятно поэтому, что широкая читательская масса с нетерпением ожидала следующих номеров; это нетерпение возросло к началу культурной революции, когда ликвидация теоретической неграмотности и малограмотности стала основной задачей исторического дня. В публикуемых резолюциях рабочих собраний имелись требования скорейшего выхода «Анти-Дюринга», «К критике политической экономии», «Нищеты философии» и т. д. Достаточно сказать, что инкриминированный «Анти-Дюринг», о котором я писал уже выше, разошелся до последнего экземпляра в течение одного года. Достаточно к этому прибавить, что все то, что выходит сейчас, в последние два года, в изданиях ИМЭ в каких бы то ни было тиражах, расходуется в несколько дней. Отсюда ясно, почему мы, издатели, так глубоко огорча-

лись «медлительностью» Института Маркса и Энгельса. Но Д. Б. оставался и тут непреклонным и только тогда пустил в набор и печать «Нищету философии» и «Анти-Дюринга» и другие издания, когда он окончательно обработал их при помощи марксистских специалистов.

Таким образом за эти два года читающий марксистский мир был в известной степени вознагражден за свои долгие ожидания и огорчения. Я говорю — в известной степени, потому что нам (уже по другим причинам — по причинам главным образом бумажного и полиграфического кризиса) не удастся выпускать «Библиотеку марксиста» в достаточно больших тиражах, да и вообще, если признаться, мы уже потеряли представление о том, что такое большой тираж, ибо сейчас нет такого тиража на марксистские издания, который оказался бы достаточным. 30-тысячный тираж Сочинений Маркса и Энгельса уже оказывается исчерпанным, и совершенно ясно, что его уже можно было бы без всякого риска довести сейчас до 50 тысяч.

Д. Б. иногда начинает дополнять и перестраивать целиком уже сверстанные тома. Это, конечно, вызвало всегда нареки не только с нашей стороны, но главным образом со стороны рабочих типографий. Мне неоднократно приходилось отдуваться за эту «бесхозяйственность», «волокиту» и пр. Я не только получал выговоры от гизовских органов, но и подвергался частенько нападению с разных сторон за эти грехи. Я эти грехи не считаю чужими, грехами только Д. Б., я их считаю также своими, потому что я — говорю это не без гордости — сочувствовал этим переделкам, ибо я знал, что они предпринимались в интересах улучшения издания, а я всегда думал и думаю, что нет такой затраты, которая не была бы вознаграждена сторицей хотя бы малейшим улучшением изданий Маркса, Энгельса и Ленина¹.

В этом духе я и говорил тем контрольным органам, какие вызывали меня для объяснений по этому вопросу. Пови-

¹ Летом 1929 г., во время IV производственной конференции делегация рабочих «Печатного двора» (крупнейшей типографии Гиза, в которой печатаются Сочинения Маркса и Энгельса и другие издания ИМЭ) посетила Институт Маркса и Энгельса. Они были буквально подавлены грандиозностью размаха работы Института и заявили, что теперь они понимают всю трудность работы по изданиям ИМЭ и неизбежность и целесообразность переделок в корректуре и верстке. Я считаю, что это пролетарское признание подкрепляет и мою позицию...

димому, эти органы соглашались со мной, потому что каждый раз, когда я говорил им — накажите меня с тем, чтобы я мог об этом доложить нашему добрейшему Д. Б., они от наложения какого-либо взыскания воздерживались...

Д. Б., как правило, никогда не писал предисловия (кажется, нет ни одного издания, которое не сопровождалось бы предисловием Д. Б.) раньше, чем на его редакторском столе не оказывались все напечатанные листы издания. В своих предисловиях он обыкновенно не пишет «вообще», как это делают многие «предисловщики», а ссылается на страницу, приводит точные выдержки из текста, и поэтому, как он сам утверждает, ему нужен совершенно точный, исправленный и не подлежащий уже изменениям текст.

После вышесказанного станет ясно, какую огромную работу проделал Д. Б. за эти несколько лет. За эти годы выпущено больше 100 названий (мы недавно только праздновали этот радостный юбилей).

Скажу еще несколько слов о наших с ним издательских отношениях. Я уже говорил, что он крайне чувствителен к издательской стороне, к оформлению, технике, цене и т. д. Тут он часто обнаруживает такие качества, каких, казалось бы, нельзя было ожидать от философа, отвлеченного мыслителя, каким он является. По поводу цены книги с ним приходится буквально выдерживать бои. Он диктует цену, он торгуется, он настаивает, он задерживает издания, лишь бы добиться понижения цены и этим самым максимального распространения своих изданий. В последнее время он стал особенно требовательным в отношении тиражной политики, он делает все, чтобы увеличить тираж, при составлении издательских планов он руководствуется не только серийной методологией, но и рыночным спросом, как он его понимает, а понимает он его верно. Рыночный спрос в наших условиях он понимает как спрос потребительский и идеологический, ибо спрос на книгу исходит у нас от рабоче-крестьянских масс и от партийного и беспартийного актива.

Д. Б. довольно чутко нащупал в последние годы издательский пульс нашего времени. Укажу хотя бы на чрезвычайно характерный факт: когда ЦК партии был разослан циркуляр о ликвидации теоретической неграмотности и повышении интеллектуальной квалификации партийцев, Д. Б. чуть ли не на второй день сделал Гизу предложение о выпуске в удешевлен-

ной «Библиотеке марксиста» книг «В помощь партучебе» значительными тиражами (не менее 50 тыс. экз.). В целях значительного удешевления книги — до 2½ коп. за оттиск — он совершенно отказался от гонорара за это издание (гонорара, который идет в пользу Института Маркса и Энгельса).

Тут мы имеем одну из частных сторон общего рязановского дела, которое есть дело осуществления великого лозунга: «Марксизм в массы!». Этому делу Д. Б. служил всю свою жизнь и — нет сомнения — будет впредь служить без колебаний и без усталости.

- 327а. 2-е изд. М. — Л. 1929 г. Стр. СIII + 367.
328. *Редакция*. «Библиотека марксиста». Вып. XVI. Г. Плеханов. Анархизм и социализм. М. — Л. 1929 г. Стр. VIII + 123.
329. Вып. XVII. Ф. Меринг. Фрейлиграт и Маркс в их переписке. М. — Л. 1929 г. Стр. XXVIII + 149.
330. Вып. XVIII. К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. М. — Л. 1929 г. Стр. XXIV + 148.
331. Вып. XXIII—XXV. К. Маркс. К критике политической экономии. М. — Л. 1929 г. Стр. 352.
- Вступительная статья* см. выше № 322.
332. *Редакция* [совместно с И. Рубиным] серии «Классики политической экономии», изд. ИМЭ.
- Рикардо Давид. Начала политической экономии и податного обложения. Перевод, вступительная статья и примечания Д. Р..ва. М. — Л. 1929 г. Стр. XXXIV + 368.
333. *Ред.*: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга IV. М. — Л. 1929 г. Стр. 514.
334. *Ред.*: «Летописи марксизма». Книга IX—X. М. — Л. 1929 г. Стр. 250. (165е). [8-е] издание № 165. (208б—д, 209б—д). *Французское* издание № 208 и 209. (227а). 2-е издание № 227. (227б). *Немецкое* изд. № 227. (227г). 2-е изд. № 227. (258б). *Английское* издание № 258. (295а). 2-е изд. № 295.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Постановление ЦИК СССР о награждении Д. Б. Рязанова орденом трудового Красного знамени	7

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствия: от Президиума Исполкома Коминтерна; от Центрального комитета ВКП(б); от Исполбюро Профинтерна; от ВЦСПС; от Реввоенсовета; от Института В. И. Ленина; от Академии наук	11—14
Адреса: от Коммунистической академии; от Института К. Маркса и Ф. Энгельса; от Правления Государственного издательства	15—18
Письма: от Председателя ЦИК СССР; от Председателя СНК СССР; от Клары Цеткин; от Феликса Кона	20—25

Д. Б. РЯЗАНОВ

А. Деборин. Д. Б. Рязанов	29
А. Луначарский. Соблазны и опасности высокой культуры	40
Э. Цобель. Д. Б. Рязанов как марксовед	59
Г. Баммель. Д. Б. Рязанов и философский сектор марксоведения	77
Ц. Фридлянд. История социалистического движения XIX в. в освещении Д. Б. Рязанова	93
М. Больфсон. Д. Б. Рязанов как редактор-издатель	104
Речи на торжественном заседании в Коммунистической академии	
Речь Н. М. Покровского	118
» Н. И. Бухарина	120
» А. Н. Баха	124
Ю. Степков. О моих первых встречах с Д. Б. Рязановым	126
А. Лозовский. Жизнь, которую стоит изучать	140
В. Милютин. О Д. Б. Рязанове	141

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ПЛЕХАНОВ, ЛЕНИН

Письма: К. Маркс — Ф. Домела-Ньювентгуйсу	149
Ф. Энгельс — П. Л. Лаврову	152
Г. В. Плеханов — П. Л. Лаврову	154
В. И. Ленин — Д. Б. Рязанову	156

	Стр.
ИЗ ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ К. МАРКСА	
Две песни, посвященные Женни	159
Эпиграммы на Гегеля	160
Пробуждение	161
ФИЛОСОФИЯ	
К. Шмюкеле. Карл Маркс и Людвиг Фейербах (1843—1844 гг.) .	165
Н. Бобровников. К вопросу о форме и содержании идеологии в учении Маркса и Энгельса	193
И. Луппол. Пьер Гассенди	215
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	
Е. Каганович. К истории полемики вокруг третьего тома «Капитала» Маркса	232
И. Плотников. Место Вильяма Петти в истории экономической мысли	270
А. Реуэль. Проблемы методологии политической экономии у Н. И. Зибера	300
Ф. Потемкин. К истории развития капитализма во Франции . .	322
СОЦИОЛОГИЯ	
Н. Марр. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений	361
М. Косвен. Материнский род и материнское право	385
ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА	
П. Виноградская. Женни фон-Вестфален	411
Ф. Шиллер. Маркс и Вейтлинг	473
В. Волгин. Джон Френсис Брей	499
А. Воден. К. Маркс и Ф. Энгельс о Великой французской революции	516
Н. Лукин. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума .	530
А. Удальцов. К. Маркс и мемуары Р. Левассера	556
В. Максимовский. Марк Зуэрий Боксхорн	562
А. Иоаннисян. Энгельс и армянский вопрос	579
Г. Бакалов. Первые шаги марксизма в Болгарии	602
БИБЛИОГРАФИЯ	
В. Дитякин и Л. Яковлева. Библиография работ Д. Б. Рязанова .	623

Техническая редакция А. Г. Павлова
Обложка работы В. Фаворского

